

Интерлюдия 6.

Свеча при свете дня.

(Часть 2)

Рида продолжал карабкаться в гору, заменив посох стальным ножом, которым он делал опоры. По пути он увидел огромную зияющую дыру, которую не заметил раньше, когда поднимался с другой части горы. Казалось, что поток воска из этой дыры и создал ту кошмарную сцену, которую он увидел внизу.

Какая сила может сделать что-то подобное? — подумала Рида. Но только на мгновение, поскольку праздные мысли на таком опасном подъеме - не самое лучшее занятие.

Поэтому он продолжил.

Вырезать. Нога. Рука. Вырезать. Нога. Рука.

Он повторял эти движения со знанием дела. Дураками становятся не от недостатка силы.

Подъем был не столько восхождением, сколько попыткой не отступить.

Он не знал, сколько времени он поднимался, но когда он добрался до вершины, солнце было уже высоко в небе. На последнем рывке он ухватился и медленно пополз до относительно ровной поверхности и просто лежал там несколько минут, сердце колотилось как сумасшедшее, а легкие болели от холодного воздуха. К счастью, тепло солнечного света ненадолго избавило его от холодного ветра.

Когда он почувствовал, что достаточно восстановился, он встал и осмотрел окрестности.

К его удивлению, вершина горы оказалась довольно плоской.

А всего в нескольких метрах от того места, где он находился, стоял дом. Или половина его.левой части дома не было.

Стиль этого дома был ему незнаком. На вид простое здание выглядело так, словно было сделано из дерева. Но, как и все остальное здесь, оно было создано из воска.

Там было крыльцо и кресло-качалка, которое на самом деле не двигалось, поскольку было соединено с полом с тонким слоем воска. Он провел пальцем по креслу-качалке и обнаружил, что оно настолько детализировано, что можно почувствовать текстуру.

— Кто это сделал? Кто, черт возьми, мог сделать что-то подобное?

Этот вопрос пришел ему в голову, когда он уставился на то, что выглядело как окно, но оно было молочно-белым, и он не мог разглядеть, что там внутри. Любопытствуя, он пощупал его и почувствовал, что оно не такое твердое. Этот дом не был простым фасадом, как те, что стояли внизу. От волнения его губы медленно изогнулись вверх.

Теперь Рида переключил свое внимание на дверь и посмотрел на ручку. Он обхватил ее пальцами и медленно повернул.

К его удивлению, она не повернулась.

— Если она не сдвинется с места, тогда... мне придется действовать по-плохому.

Мужчина достал свой посох и приготовил заклинание, так как не знал, что будет ждать его по ту сторону двери.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Затем он зарычал и ударил ногой в дверь. Она не открылась с первой попытки, поэтому он сделал это снова. Еще четыре раза, прежде чем она открылась. Или, скорее, рассыпалась. Затем он использовал основание своего посоха, чтобы расширить отверстие, прежде чем войти в дом с правой ноги.

И от того, что ждало его внутри, у него свело живот.

Внутри был обычный дом. Такой, что вполне мог бы сойти за фермерский дом. Со столами, стульями и чашками в буфете. На полу даже лежал ковер возле, похоже, дивана. Все они были белыми, восковыми, приклеенными к поверхности, на которой находились.

Но от этого Риду стало еще страшнее. Как будто он видел пародию на жизнь. Фасад нормальной человеческой жизни.

Холодный ветер дул сквозь дыру, где должна была быть стена. Ему вспомнился свет, который он видел несколько ночей назад. Возможно, он как-то связан с этим... но если он способен проделать такую глубокую дыру, то должен был взорвать всю гору. Почему же он этого не сделал? Что-то остановило его?

Пока он размышлял, он бросил случайный взгляд на комнату. И что-то увидел.

Какой-то намек на цвет, отличающийся от всей белизны, которая его окружала. Кусок ткани, прилипший к ножке стула.

Он осторожно взял его в руки. Он был старый, цвет выцвел, но это была ткань, которую использовали для погребальных саванов.

— А вот этот маленький рисунок. Это древнедварфийский, — пробормотал он. Одним из его любимых предметов были гномьи предания, поэтому он и решил на это задание. Но он не ожидал найти здесь нечто подобное. — Хммм... эта надпись... я едва могу ее прочесть.

Он остановился.

— Нет... нет... это невозможно... — Рид чуть не уронил ткань от шока. — Это... кто-то разыграл меня...?! Дыхание Олнадина. Это выходит за рамки моей оплаты.

Оплата. Рид нервно рассмеялся, чтобы избавиться от ощущения, что с ним играют.

Нет. Ему никогда не платили. Никто из Дураков никогда не нуждался в деньгах. Если бы они нуждались в них, они бы их взяли. Никто даже не спрашивал, можно ли взять больше. Просто так не бывает.

Истории. Это то, ради чего они живут. Истории, мифы и легенды.

Было бы лучше, если бы он сбежал сейчас? Бежать так далеко, как только сможет, пока тот ужас, который создал эту гору безумия, не узнал, что он здесь? Отвернуться от того, что ждет за этой дверью?

Да. Да, было бы лучше.

К сожалению, он дурак.

Рида вошла в дверь и увидела небольшой холм. Он был пустым и белым, как и все вокруг. На вершине холма стоял большой тотем.

Ужасающий белый объект с рогоподобной структурой, растущей по обе стороны от вершины.

Статуи полу сформировавшихся мужчин и женщин всех рас окружали его основание, казалось, сливаясь с самим тотемом, руки застыли в мольбе. У них не было лиц, но Рид чувствовал отчаяние, передаваемое статуями.

В центре, единственным цветным предметом на этом белом объекте был иссохший труп, кожа которого стала темно-зеленой. Широко раскинутые руки вцепились в основание рогов, а нижняя часть туловища срослась со стволом тотема. Такие же фигуры были на толстых частях рога. Все они были обращены к трупу. Все тянулись к нему с искренними мольбами.

Лицо трупа высохло настолько, что он не мог определить, кто это - мужчина или женщина. На шее у трупа висел маленький кулон. На ребрах висела истлевшая ткань с характерным символом.

Уродливый. Отвратительно. Отвратительный.

То, что предстало перед ним, нельзя было описать простыми словами. Сам того не замечая, он уже стоял на коленях. И по каким-то необъяснимым причинам он пролил слезу. Было ли это от страха или от растерянности, он не знал.

И он не успел об этом подумать, потому что мгновение спустя раздался грохот, сбивший его с ног.

Казавшийся мертвым труп вдруг издал вой, от которого у него застыла кровь. Он повернул свое ужасающее лицо к Риду, и слова внезапно ворвались прямо в его разум. Слова, произнесенные на гномьем языке.

— Др'га... Уг'рур? — повторил он слова. — Предупредить... смерть...?

— ...Шигаутех..., — снова заговорило оно. На этот раз едва слышным шепотом.

Рид услышал голос, эхом отдающийся в его голове. Внезапно мощный барьер окружил его.

Мощная магия вырвалась из трупа и отбросила его, пробив дом и перекинув через край вершины.

В тот же момент фигуры на тотеме начали двигаться. Руки взметнулись и потянулись к трупу. Белая масса медленно проникала в труп, покрывая его до груди. Руки навалились на тело и затолкали его внутрь.

Труп пытался бороться, но он потратил последние силы, чтобы дать человеку шанс. Теперь он мог только сдаться, когда из тотема проросла пара рук, накрыла его лицо и втянула внутрь.

А потом наступила тишина.

Глубокая, всепроникающая тишина.

Ветер прекратился. Грохот прекратился. Казалось, что Греа затаила дыхание.

Облака начали собираться в большие массы, сначала белые, потом серые, а затем огромные черные, которые грозно неслись по небу, закрывая солнце.

От тотема распространился большой магический круг, охвативший всю гору, а наверху заплясали молнии и гром, и, наконец, огромный столб молнии ударил в тотем. От силы удара конструкция распалась на части. Рога рассыпались и упали. Сначала правая сторона, затем левая. Статуи разбились и упали огромными кусками, а затем расплавились.

Остался лишь небольшой холм белого воска высотой в человеческий рост.

Воск стекал с этого холма. Большими каплями, пока не образовалось нечто, напоминающее лицо и шею человека. На лице образовались две пустые глазницы. Из них сияли темно-синие звезды, как будто они могли видеть все насквозь.

И в этот момент на Греа зашевелились два существа.

Один находился на земле на крайнем севере, где люди и демоны проливали свою кровь и внутренности, окрашивая землю в красный цвет.

В центре континента находился огромный вулкан. А в самой глубине вулкана открылись три пары глаз. Каждый из них, словно огромный рубин, смотрел на истину мира. Древние и мудрые, но в них была спокойная ярость. Они говорили о великой силе и в то же время об одиночестве.

Мощный рык этого существа заставил вулкан извергнуть огонь и выпустить черный, как чернила, дым, и все демоны прекратили борьбу и вознесли молитву в сторону вулкана.

Затем он заговорил глубоким и низким голосом, как будто говорил через глубокий туннель.

— ...Лавану Шачем... Хед Аштулгар...

Другой находился на отдаленной земле, куда отваживались заходить только глупцы. В глубокой пропасти, которая была проклятием для всех искателей приключений. В ней, по местной легенде, хранился великий секрет бессмертия.

И в самой глубине этой пропасти усмехнулось нечто оскверненное и кощунственное. Два глаза смотрели на голубую полоску снизу. Два глаза, как небо в хмурые, мрачные дни, которые оскверняют все прекрасное и веселое.

У существа не было тени. И оно чувствовало голод. Оно всегда чувствовало голод.

— Наш Третий Брат..., — произнесло существо громким голосом, похожим на голос множества людей разного возраста и пола, говорящих вместе. — С... днем рождения.

Из глубины его пасти вырвался смех, вызвавший сильное землетрясение, которое в течение трех коротких минут сотрясало континент. От которого молоко прокисало, а птицы падали с неба. И в тот день исчезли целые деревни, оставив лишь трупы со следами укусов.

Новорожденное существо приняло облик человека. Или как выглядел мужчина в кошмарах ребенка. Обезображенная, неприятная фигура, с лица и кожи которой стекал воск.

Как только оно пыталось сделать шаг, оно падало на землю.

Его движения были грубыми. Необученными. Как новорожденный ребенок, который пытается

ходить, ползать и стоять одновременно. Дрожащие и неправильные.

Оно было разумным, но прежде всего оно было растеряно. Оно могло помнить. Обрывки воспоминаний. Кусочки сломанных головоломок, которые нужно было починить. Вещи, которые были им, но не были им. Опыт того, что было им, но не было им.

Оно посмотрело на свои руки, впервые увидев их, и слегка пошевелило ими. Находя их довольно забавными.

Затем оно посмотрело в сторону дома и почувствовало в нем что-то знакомое и теплое. Оно втащило себя в дом, спотыкаясь и неровно ступая.

Внутри оно посмотрело на дыру в доме, и новорожденное существо почувствовало что-то внутри себя. Что-то зудящее и неприятное. Что-то, что жгло и кололо.

Оно чувствовало... ненависть.

Оно чувствовало... уродство.

Дрожащими движениями оно медленно провело пальцем правой руки по нижней части лица полукруговым движением, вырезав на поверхности лица грубую улыбку, переходящую от щеки к щеке.

— Улыбнись... когда твое сердце..., — он сделал паузу, грубо засунув руку в рот и выплюнув кусочки воска. А затем мечтательно произнесло, пока дом, гора и статуи таяли и становились одним целым с ним.

— ... разбивается...

<http://tl.rulate.ru/book/65955/1901441>